

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
СОКОЛОВ

**Я ничего
не придумал**

Владимир Соколов

Я ничего не придумал

«Издательские решения»

Соколов В. И.

Я ничего не придумал / В. И. Соколов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960484-2

Эта книга — о нашей стране. Время действия — с 1925 по 1945 год. Место действия — от Башкирии и Урала до Восточной Пруссии. Язык книги — и лёгкий, и серьёзный. В ней есть юмор, самоирония, лиричность и мудрость. В ней есть настоящая человеческая теплота... Как будто ты говоришь сперва с мальчишкой, сыном, а потом со старшим братом... Двадцатилетним парнем, победившим страх, боль... ВОЙНУ. Перелистывая последнюю страницу, чувствуешь благодарность к автору и радость, что ты принадлежишь к ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

ISBN 978-5-44-960484-2

© Соколов В. И.
© Издательские решения

Содержание

История одной книги	6
1925—1945 годы	10
Ранние воспоминания	13
Ленинградское детство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я ничего не придумал

Владимир Иванович Соколов

Редактор Татьяна Владимировна Ющенко (Соколова)

Фотограф Андрей Владимирович Соколов

Фотограф Владимир Иванович Соколов

© Владимир Иванович Соколов, 2018

© Андрей Владимирович Соколов, фотографии, 2018

© Владимир Иванович Соколов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4496-0484-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одной книги Предисловие дочери автора

Если бы меня в тот день не шибануло током... Всё сложилось бы по-другому! Интересно бывает взглянуть в прошлое и проследить – из каких-таких мелких событий строится наша жизнь... Какие звенья ложатся в цепочку судьбы...

Весной 2008 года я полезла вытирать пыльную стену под потолком, и, проведя мокрой тряпкой по обоям, получила ощутимый удар током. Ай!!! Решили, что надо менять всю проводку на даче – пока не полыхнуло. Папе было уже 84 года, но он решил взяться за эту работу. Он нарисовал схему проводки на 1 и 2 этажах, и взял меня в подмастерья. В мои обязанности входило:

- закупка проводов, коробок, розеток и прочей мишуры.
- последовательный демонтаж старой проводки – так, чтобы дом не терял жизнеспособности.
- зачистка проводов с помощью ножа или маникюрных ножниц – в зависимости от толщины провода. Это, братцы, было довольно трудно, но под конец я так насобачилась, что теперь могу и вам зачистить, если позовёте.
- прибивание новых проводов к стенам и потолкам.

Папа осуществлял общее руководство, собирал коробки, долбил ужасные стены и потолки – толстенные, и набитые какой-то трухой, которая всё время сыпалась в глаза и на голову... В общем, в течение месяца, я по утрам встречала папу на станции, и до вечера мы вкалывали, обеспечивая плавучесть нашему древнему кораблю.

Естественно, за этими трудами праведными, нам иногда хотелось поговорить не только на производственные темы, но и «за жизнь». Тем более, что с 14 до 45 лет я папу почти не видела, и нам предстояло заново узнать... и полюбить друг друга.

Как-то у нас зашёл разговор о войне, и папа рассказал мне две фронтовые истории из своей жизни – такие, что я обомлела...

– Папа! Вот было бы здорово, если б ты это записал!

Ты так интересно рассказываешь!

– Да ладно... Кому это надо...

– Мне надо! Внукам надо!

– Да ладно... Дай-ка отвёртку!...

Так началась история главной в моей жизни книги...

Возможно, я ошибаюсь... Но я до сих пор думаю, что мой отец – гений. Широчайший кругозор. Потрясающие способности. Золотые руки. Невероятная память. Жизнелюбие, остроумие, смелость... Ох, природа... Зачем ты на мне отдохнула? Я уже года четыре никак не могу перейти на ТЫ с моим ноутбуком, а папа в свои 84 года сам легко освоил компьютер со всеми прибабахами – интернетом, фотошопом, почтой, видеозаписями, Word-ом... Реставрировал старинные семейные фотографии, составил ветвистое-тенистое родословное древо... Но за книгу никак не хотел садиться.

Помню, как сладко щурясь и помахивая книжкой Николая Амосова (знаменитого украинского хирурга), он говорил – «Не боюсь смерти! Я легко умру, от сердца...» Очень уж эта мысль его грела и успокаивала. Да и меня тоже... Пару лет назад он лежал с инфарктом в госпитале ветеранов войны, с огромным синяком на животе – от гепарина, и, прижимая к груди том стихов Набокова говорил – «Такие стихи... Так и хочется к сердцу прижать».

Верю, что и поэзия, если она настоящая, помогает ранам зажить. И физическим, и духовным...

А потом... Через несколько дней я, лёжа в ванне, решила совместить приятное с... приятным, и позвонила отцу.

– Что-то, Таня, нехорошо мне... Температура поднялась...

...В больнице поставили диагноз – пиелонефрит. Я, взглянув на анализ крови, зашла к лечащему врачу —

– ЧТО ЭТО? ЛЕЙКОЗ?

– Ой, да... Давайте, допишу в рекомендациях направление к гематологу...

Так начался новый период нашей жизни.

Стерильные пункции. Безудержные носовые кровотечения. Тяжёлая анемия. Приступы стенокардии. Повторные инфаркты. Больницы, больницы, больницы. Жуткие реанимации, в которых лежишь-дрожишь абсолютно голым, вне времени и пространства, без права поговорить с родными...

По-своему, это было даже счастливое время. Я ездила в больницу почти каждый день, кормила папу, воевала с медсёстрами, брала за грудки врачей... А главное – по многу часов говорила с папой...

А как же – КНИГА?!!!

НЕ УСПЕЛ!!! НЕ НАЧАЛ ДАЖЕ...

Мне было безумно жаль его... Я думала, что он скоро умрёт. Я скрывала это своё знание, как и страшный диагноз – я подделала справку... Я «наградила» отца всего лишь лимфобластным лейкозом первой стадии, а не четвёртой, терминальной... Но... тогда он не будет торопиться с книгой! Как быть? Как поступить правильно?

Всё-таки он начал работу над книгой. И даже вошёл во вкус. Возвращался к ней после мучительных ходок в больницу. Бросался к компьютеру, как в бой.

«...Бросался к компьютеру, как в бой...» Да, так это и было.

Потекли счастливые, наполненные осмысленным трудом дни. Разве не счастье – услышать по телефону родной – лучший в мире! – голос:

– Да, приезжай. Написал я про Клюева, как ты просила. Зокардис у меня кончается, и конкор. Забеги в аптеку...

Ура! Это тот Клюев, подполковник, о котором я услышала в Белоострове, кого полюбила на всю жизнь...

Разве не счастье – ехать в метро – К ПАПЕ! Бежать от метро по улице, потом по лестнице на третий этаж, дважды жать на кнопку звонка его коммуналки! К ПАПЕ!

И вот – я в его чудесной уютной комнате, полной музыки, книг, картин, фотографий...

– Садись, почитай пока. А я чайник поставлю.

Я сажусь у монитора и читаю. О чудесных людях – простых и знаменитых. О родных, друзьях детства, фронтовых товарищах.

Дон Кихот – Мунька Радзыминский.

Последний Герой – Пётр Бунеев.

Отец Солдат – подполковник Клюев...

Моя задача – увидеть и исправить опечатки. Обсудить непонятные места. Сказать о своих сомнениях в стилистике.

Вначале книга его суховата, похожа на официальную биографию:

«Я, Соколов Владимир Иванович, родился 8 января 1925 года в Ленинграде. Моими родителями были...»

Но постепенно... она начинает дышать дивным воздухом ленинградской весны... арбузной корюшкой... Наполняется очарованием деревенского дома, построенного дедом... Пронизывается щемящими детскими дружбами и влюблённостями... Болью и гордостью за свою Родину разрывает сердце...

Папа всё додумывает, доделывает, исправляет. Нещадно выкидывает кипы уже распечатанных страниц, если они хоть с малейшими огрехами. Мужественно восстанавливает плоды своего труда, безжалостно уничтоженные зависшим компьютером... Догадывается, что всё надо немедленно скидывать на флэшку...

Больница-дом-больница-дом...

ХОЧУ УСПЕТЬ! ХОЧУ УСПЕТЬ!

Ведь, если я расскажу об этих людях – они не умрут вместе со мной!

УСПЕТЬ-УСПЕТЬ-УСПЕТЬ!

Но иногда он звонил мне и говорил:

– Не хочу больше писать. Никому это не надо, никому не интересно.

Спазм сдавливал мне горло. Едва сдерживая слёзы, я лепетала в трубку:

– А как же я? Папа! МНЕ НАДО!

И потом уже, давала волю слезам, умирая от обиды и бессилия...

Проходило время, и он снова брался за работу... «Только ради тебя. Я за тебя умру...»
...Он не умер в первый год своей болезни.
30 августа 2009 года я получила экземпляр его самиздатовской книги:
«Дорогой Танечке, вдохновившей меня на этот труд,
с благодарностью и любовью. Папа.»

Вопреки прогнозам врачей, папа прожил ещё четыре года, и написал ещё четыре тома автобиографических заметок. Всё это пятикнижие он назвал МОЯ РОДОСЛОВНАЯ. Не очень мне понятно такое название, но это не важно. Позже он решил назвать свою книгу «Я ничего не придумал».

Что помогло ему жить так долго? Сила воли. Любовь к жизни. Светлый разум. Любящие люди вокруг...

- Доктор неотложки, начавшая реанимацию дома, и лично передавшая папу – с рук на руки – в отделение реанимации больницы Святого Георгия.
- Другие доктора, умные и честные – спасибо всем огромное.
- Моя дочь Маша и её подруга Лена.
- Сын моей подруги Арсений – мой брат по станции переливания крови.
- Папина жена Элеонора Евгеньевна. О, помню одну из новогодних ночей, когда она тайно осталась в больнице, и спала рядом с папой, на добрую зависть мужичкам – товарищам по палате...)))
- Сын Андрей... И много, много других добрых людей...

Последнюю, шестую книгу, папа написал по моей просьбе. Я лежала в онкоцентре, тайно от него. Говорила, что простудилась. Гуляя по больничному коридору, опутанная дренажами, я говорила:

- Папа, ты такой счастливый человек! Напиши книгу о счастье.
- И вот она передо мной: «Если хочешь быть счастливым – будь им»
Санкт-Петербург, 2013 год.
В ней 47 страниц. А кончается она так:
«СПАСИБО ТЕБЕ, ГОСПОДИ, ЗА СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ».

*****

*Таня Станциц —
Татьяна Соколова (Ющенко) 25.01.2015*

1925—1945 годы

Воспоминания ленинградца

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Владимир Иванович Соколов
9 мая 2008 года

Я, Соколов Владимир Иванович, родился 8 января 1925 года в городе Ленинграде. Моими родителями были Иван Никанорович Соколов и Ольга Андреевна Соколова, урождённая Станчиц. Таким образом, я возник в результате слияния двух генетических линий: Соколовых и Станчицев. Поэтому родословная, над которой я работаю, имеет целью проследить движение этих линий, как в прямом, так и в обратном от меня хронологических направлениях.

Отец родился в крестьянской семье. Ещё до революции приехал на заработки в Петербург, работал станочником на заводе Лесснера, а затем в компании Зингер распространял швейные машинки. Во время работы в Петербурге он познакомился со многими людьми, ставшими впоследствии видными партийными и государственными деятелями: Николаем Шверником, будущим председателем Президиума Верховного Совета СССР, Е. Г. Евдокимовым и другими, что, как мы узнаем в дальнейшем, стало для него причиной больших неприятностей.

Мама, которая также родилась в крестьянской семье, получила среднее педагогическое образования в Твери. Она работала учительницей в сельской школе. Отец познакомился с ней, женился и увёз молодую жену в Ленинград. Официальное образование отца – два класса церковно-приходской школы. При общении с отцом никто не мог этому поверить. А ведь в числе его друзей были выдающиеся деятели науки и искусства, такие как создатель системы звукозаписи Шорин, один из пионеров нашей радиотехники Шапошников, артист Александринского

театра Вальяно и другие. Высокого уровня общей образованности папа достиг благодаря природной любви к знаниям и незаурядным способностям к их усвоению. Основными источниками интеллектуального развития были для него, конечно, книги и, что не менее важно, общение с высокообразованными, интеллигентными людьми.

Почти каждую неделю родители ходили в театр. Чаще всего они посещали «Мариинку» и «Александринку». Возвратившись домой, они обсуждали виденное и слышанное. Меня же водили в цирк и в ТЮЗ. Особенно я любил цирк. Билеты покупались заранее, и я очень боялся заболеть перед радостным днём. Нередко именно так и случалось.

Папа любил технические новинки. У нас был первый во дворе детекторный радиоприёмник, подаренный отцу его конструктором Шапошниковым, первый советский ламповый приёмник ЭКЛ-4. Когда на Невском впервые установили громкоговорители, мы с папой ездили их слушать. Мы ездили втроём на Невский в кинотеатр «Октябрь», чтобы посмотреть цветные американские кинофильмы «Кукарача», «Три поросёнка» и «Забавные пингвины». Первый фильм – игровой, остальные – мультипликационные. До этого цветные кинофильмы в СССР не демонстрировались. Мы с мамой смотрели в Выборгском доме культуры первый советский звуковой фильм «Путёвка в жизнь». До этого фильмы были «немыми». У нас появились первые во дворе велосипеды английской фирмы BSA. В СССР велосипеды тогда ещё не производились.

Я пишу эти строки на компьютере и не перестаю удивляться скорости технического прогресса и тем грандиозным изменениям в жизни людей, которые произошли на протяжении всего одной человеческой жизни.

Работал отец председателем обкома профсоюза работников электрослаботочной промышленности, т.е. промышленности средств связи.

Как только я научился говорить, мама заставила меня запомнить наш адрес: улица Комсомола, дом 49, квартира 10. Она объяснила мне, что это может понадобиться, если я случайно потеряюсь.

Квартира, которую отец получил после революции, была на втором этаже. Окна выходили во двор. В квартире были четыре комнаты, две из которых принадлежали нам. В остальные комнаты отец, во избежание принудительного «уплотнения», прописал своих хороших знакомых.

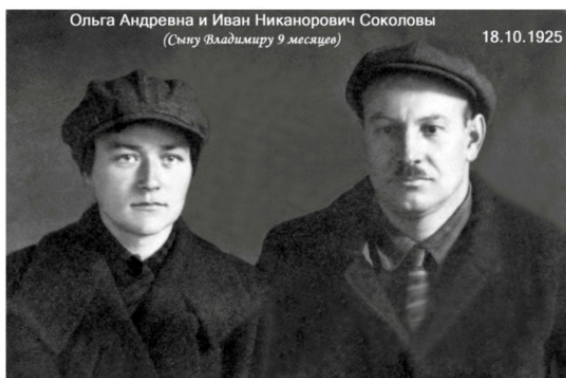
В одной из комнат жили две незамужние женщины из родной деревни отца – тётя Тоня и тётя Наташа. Они работали на фабрике «Красная нить» и не любили Сталина. Я сам видел, как они выкалывали ему глаза на портрете.

В другой комнате жил друг отца дядя Ричард, по фамилии Маурат (он был латыш), с женой тётей Фаней. У них родилась дочка Галя, с которой я подружился, когда она подросла, а дядя Ричард стал алкоголиком. Я сам видел, как он отпивал понемногу из трёх (по числу семей) бутылочек с денатуратом, которые стояли на кухне для разжигания примусов. Дядя Ричард был очень хороший, добрый человек, но ничего не мог поделать с собой и, чтобы не вредить семье, ушёл, как я узнал из разговоров взрослых, пешком в Москву. Больше его никто никогда не видел.

Все три семьи жили дружно, без конфликтов.

Кроме жилых комнат в квартире была уже упомянутая большая кухня с плитой, которая служила столом для примусов, туалет и малюсенькая кладовка, которую все называли темной комнатой. Отопление в квартире было печное. На всю квартиру на кухне был один кран с холодной водой.

Один раз в неделю ходили в баню.

Ранние воспоминания

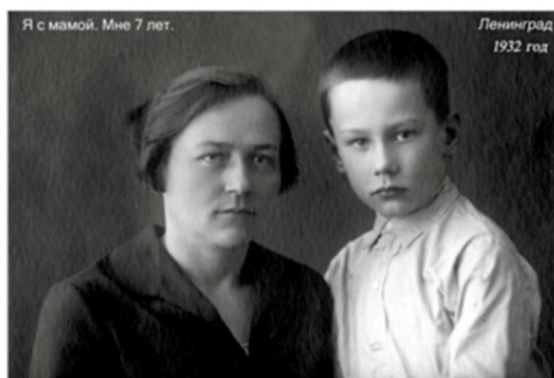
Я помню себя очень рано. Мама держит меня на руках у окна, а тётя в белом халате что-то отмечает у меня на спине карандашом. Конечно, тогда я не знал, что это карандаш, но сохранился зрительный образ жёлтой палочки и ощущение щекотания на спине. Когда я, будучи уже взрослым, рассказал маме об этом воспоминании, она очень удивилась и подтвердила, что когда мне было около года, я заболел. Отец пригласил знакомого детского врача Захарову, которая действительно отмечала на моей спине химическим карандашом место, где надо было поставить горчичник.

Ещё одно воспоминание из раннего детства (не очень эстетичное). Мы с мамой гостим летом у дяди Фени (маминого брата Феодосия Андреевича) в деревне Попово Тверской области, где он, как тогда говорили, учительствовал. Школа размещалась в бывшем помещичьем доме с большим запущенным садом, куда можно было попасть с веранды. В доме находилась большая классная комната и квартира учителя из нескольких просторных комнат. Я прекрасно помню обстановку: старинная мебель, гитара на стене (дядя Феня любил петь, аккомпанируя себе на гитаре), настольные бронзовые часы со статуэткой и т. п. Надо сказать, что зрительные образы, собственные мысли и ощущения особенно хорошо сохраняются у меня в памяти.

Так вот, суть события, о котором я собрался рассказать, состоит в том, что заигравшись, я неумышленно наложил в штаны. Я очень огорчился, потому что понимал безобразность моего поступка. Сколько тогда мне было лет я не помню, но читатель, имеющий детей, безусловно знает, в каком возрасте это может случиться у нормального здорового ребёнка.

Итак, противная тяжесть в штанах (я и сейчас отчётливо помню это ощущение) и сознание неотвратимости заслуженного наказания заставили мой детский ум интенсивно искать выход из создавшегося положения, чтобы если и не избежать справедливого возмездия, то хотя бы смягчить его.

Мама в это время была нездорова и потому лежала в кровати. Я придал своему лицу самое печальное выражение и, опустив голову на грудь, стал молча ходить взад и вперёд около маминой кровати. По моему расчёту мама, заметив моё тяжёлое состояние, должна была беспокоиться и спросить меня: “Вовочка, что это ты такой печальный, что с тобой случилось?” Тут я признался бы ей во всём и она на радостях, что ничего более страшного не произошло, простила бы меня. Так оно и вышло.

Ленинградское детство

Папа, как человек передовых взглядов, считал, что маме надо устроиться на работу, а я должен воспитываться в коллективе. Поскольку мне было 5 лет, меня определили в очаг, который находился недалеко от дома на Нижегородской улице (ныне улице Лебедева). Очаг – это то, что сейчас называют детсадом. Мои воспоминания об очаге крайне отрицательные. Вместо того, чтобы читать любимые книги или заниматься другими интересными делами, мы должны были водить хороводы и разучивать дурацкие песни, вроде: «Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка – пионеров идеал-ал-ал, тот не знает наслаждения-денья-денья, кто картошки не едал-дал-дал!» Или: «Взвейтесь кострами синие ночи! Мы пионеры – дети рабочих. Близится эра светлых веков, клич пионеров – Всегда будь готов!». Всё это мне совсем не нравилось. Но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло: я начал часто болеть и меня вернули домой, а мама опять стала домохозяйкой.

У меня было счастливое детство. Отец и мать любили меня, не досаждали нравовыми и не ограничивали свободу выбора занятий. Впрочем, может быть, я не давал для этого серьёзного повода.

Я очень рано пристрастился к чтению. Читать я научился практически самостоятельно, сопоставляя значение слов с их начертанием. Я спрашивал у мамы: «Что здесь написано?» «Во дворе уборной нет», – отвечала мама. «А здесь?» – «Заборная книжка». Так назывались тогда карточки для получения продуктов питания и промтоваров. Я понимал их назначение, но не понимал, причём здесь забор.

Научившись читать лет в пять-шесть, я читал всё, что мне нравилось. Папа был большой любитель книг. Он постоянно их покупал. Это была классика, чаще всего в академическом издании, и современная литература. Лет в восемь я с интересом прочитал «Декамерона». Особенно понравились мне иллюстрации.

В те редкие вечера, когда папа приходил с работы раньше, чем меня укладывали спать, он садился у моей кровати и на сон грядущий читал мне Некрасова или Гоголя. Он любил Некрасова и хотел, чтобы и я его полюбил, но мне Некрасов не нравился, а Гоголя я полюбил и с удовольствием читал его самостоятельно. Нравился мне Жюль Верн. С интересом я читал книги о гражданской войне, о географических открытиях. Особую роль в моём развитии сыграли книги из серии «Занимательная химия», «Занимательная физика», «Занимательная...» и т. д. Интересно, что в детстве я совсем не читал детских книг и познакомился с ними, когда стал взрослым.

Чтение определило мои игры и увлечения. Играл я с помощью воображения. Я представлял себя капитаном корабля. Корабль – это вся квартира. Моя комната – это рубка корабля. Я смотрю в окно во двор, но это не двор, а бескрайний морской простор. Я ставил химические и физические опыты. Изготавливал микроскопы. В возрасте девяти лет делал порох, получал ядовитый газ хлор. Во втором классе мне попался учебник химии для седьмого класса. Он меня так заинтересовал, что я проштудировал его от корки до корки. Я был в восторге от логичности химических формул, от возможности предсказания результатов взаимодействия химических веществ.

Я очень любил животных. Не раз приносил домой котят, но они у нас не приживались, потому что никак не удавалось приучить их ходить в песок. Однажды я нашёл на улице белого крысёнка. Он долго жил у меня. Мне купили самочку снегиря. Я её очень любил, но она погибла от зубов очередной кошки, которую я принёс домой. Это была большая трагедия для меня. Я отрезал от снегирки крылышко, поместил его в рамку под стекло и сделал надпись: «Снегирка. Погибла 15 декабря 1933г.» Позднее у меня жил ёжик.

Не надо думать, что я всё время сидел в своей комнате. Много времени я проводил и во дворе. Я играл с ребятами в «казаков-разбойников», бегал по дровам, сложенным штабелями во дворе, нырял в подвальное окно с одной стороны дома, а выныривал с другой стороны и т. п.

Здесь надо было бы, пожалуй, остановиться и подробнее рассказать, что такое довоенный ленинградский двор. Это не просто огороженная стенами территория дома, в которую можно попасть только через ворота, а своего рода детское государство, со своими законами и традициями. Но я лучше расскажу о нём в отдельной главе.

А сейчас вернёмся к школьному детству. В первом классе я учился в школе на проспекте Карла Маркса, напротив Боткинской улицы. Добираться до неё было неудобно, да и школа была неважная. Попал я в неё только потому, что в другие школы меня не принимали из-за того, что мне было всего семь лет, а прием был с восьми. Родители почему-то не хотели ждать ещё год. В школе мне не понравилось. Она напомнила мне очаг. На переменах нам не давали проводить время так, как нам хотелось. Опять появились хороводы. Нас разделяли на две группы, и одна группа пела: «А мы просо сеяли, сеяли! Ой дид Ладо, сеяли, сеяли!» Другая группа, взявшись за руки, наступала на первую и орала: «А мы просо вытопчем, вытопчем! Ой дид Ладо, вытопчем, вытопчем!» Я и сейчас не понимаю смысла этих действий и не знаю, кто такой «дид Ладо», и так ли пишется его имя.

Учиться мне было не интересно. Читал я бегло, считать тоже умел, а делать всякие упражнения и выписывать буквы с нажимом, как тогда полагалось, мне не хотелось. Поэтому в «Табеле успеваемости» нередко появлялись двойки и тройки и записи такого рода: «Плохо вёл себя на уроке», «Дрался на уроке» и т. п.

Но сохранились и радостные воспоминания: я влюбился в девочку, имя которой я не запомнил. Я дарил ей карандаши (дома на этажерке стояла целая коробка с красивыми жёлтого цвета карандашами фабрики имени Красина), а также пёрышки и другие предметы.

Для тех, кто не знает, о каких пёрышках идёт речь, разъясню, что писали тогда металлическими перьями, которые вставлялись в деревянную ручку – вставочку, как называли её ленинградцы. Перо обмакивали в чернила, налитые в чернильницу «непроливайку», которую каждый школьник носил в портфеле. При движении пера вниз полагалось усиливать нажим. Поэтому при написании букв все линии, образованные движением пера вниз, получались более толстыми. Это и называлось писать с нажимом.

Девочка принимала мои подарки, а моё сердце разрывалось от радости, и я думал о том, чем бы её еще порадовать. А дома, ложась спать, я придумывал всякие фантастические истории. Я представлял себе, как она тонет в реке, а я её спасаю. Она лежит на берегу, беспомощная, в мокром платье, прилипшем к телу. Я наклоняюсь к ней, а она благодарно обнимает меня.

С этого времени я постоянно находился в состоянии влюблённости.

Второй класс я окончил в школе на улице Михайлова. Она была ближе к дому, и я мог ходить в неё без сопровождения мамы. Предметом моей любви во втором классе была девочка по фамилии Гончарова. Но здесь у меня был соперник – Юрка Елисеев. Гончарова отдала предпочтение Елисееву. Я очень страдал.

На следующий год родителям удалось перевести меня в хорошую, так называемую образцовую школу №7 на улице Комсомола. В этой школе я полюбил Нину Порошину. Я ей также дарил подарки, угощал конфетами, и мы вместе ходили в ТЮЗ. Местом встречи был сквер у Финляндского вокзала.

В этой школе были замечательные педагоги, учиться было интересно, и у меня были хорошие отметки.

Родители купили мне фотоаппарат «Фотокор», и я ездил на Невский во Дворец пионеров на занятия в фотокружке.

Я подружился с одноклассниками Митей Бесовым и Женей Масловым. Мы организовали свой драмкружок и в квартире Масловых ставили пьесы. Отец Маслова был профессором Военно-медицинской академии и имел большую квартиру. Существовал и школьный драмкружок, но туда принимали только старшеклассников.

У нас была замечательная преподавательница литературы – Евгения Викторовна. Она умела так заинтересовать учеников, что даже самые ленивые из них стали добровольно, сверх программы, писать дома сочинения на различные темы. Евгения Викторовна читала их вслух на уроках, очень деликатно указывала на недостатки и хвалила за достоинства. Началось стихийное соревнование между учениками, каждый хотел отличиться.

В 1937 году отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Евгения Викторовна дала мне задание: написать на городской конкурс сочинение на пушкинскую тему. Я пришел домой. Вдохновения не было, На улице было сыро и противно. Я взял тетрадь и начал: «Тёмный осенний день. Холодный дождь бьет в оконное стекло. Открываю томик Пушкина – и вдруг: “Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит; прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет...»». Короче говоря, написал сочинение, отдал учительнице и забыл. А через месяц Евгения Викторовна объявила в классе, что Вова Соколов получил первую премию на городском конкурсе. Меня наградили библиотекой из русской классики. Не надо думать, что мы были такими уж паиньками. То, что мы вытворяли на уроках английского языка и уроках пения – не хочется даже описывать. Всё дело в учителях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.